

Глава 18. О том, как в былые годы я обрел бодхи

Внутри формации сто дней промелькнули как один миг.

Город, погребенный под толщей озерных вод, постепенно оттаивал. Пышное цветение былой весны теперь подернулось багрянцем, словно омытое кровью.

Все эти сто дней Тень оставалась его единственным другом. В скитаниях по бесконечным ночам, в бесцельных метаниях с востока на запад, стоило Дань Фэну обернуться — и Тень неизменно обнаруживалась поблизости. Словно луна, следующая за путником по пятам, она держалась на расстоянии, но само ее присутствие даровало странное, прохладное утешение.

Потому он ни за что не мог поверить, что те мгновения на грани жизни и смерти, когда они делили на двоих и кровь, и дыхание, были лишь иллюзией, сном о жёлтом просе.

Как это возможно?

В памяти всплывала лунная ночь у моста. Струны кунхоу лопались с резким звоном, шелка придворных дам развевались на ветру, а крытые галереи рушились одна за другой...

— Тень, лови!

— Ты с ума сошел? Зачем ты схватил кунхоу?

— Кха-кха... Ледяные трупы так в него вцепились, значит, вещь ценная. Тебе ведь всё равно было скучно?

— Звучит паршиво.

— Тень, ты только не говори, что не умеешь играть.

Вспоминалась равнина Белых Снов, где снег взмывал до самых небес. Стаи волков и ледяных мертвецов пробуждались, оглашая пустошь яростным воем; тысячи тварей неслись в погоне, стремясь поглотить его.

Он выкашивал волков без счета, по пояс утопая в море трупов. Глаза застилала кровь, а в ушах с заката до рассвета не смолкал голос кунхоу. Тень всегда была рядом: сидела вполоборота, прижимая инструмент к груди, лента в волосах мерно покачивалась на ветру... Одного взгляда на этот силуэт хватало, чтобы в душе Дань Фэна воцарился покой.

— Тень, ты устала? Все двадцать три струны порваны.

— Решил проявить участие?

— Какое там участие... Я готов хоть жизнью отплатить, хоть собой...

— Не нужно. Считай, долг прощен.

— Так не пойдет. В Книге причин и следствий уже сделана запись: в такой-то год, в такой-то месяц ты одолжила мне... Чего ты смеешься?

— Раз уж ты так много задолжал, постарайся не сдохнуть, Дань Фэн.

Вспоминался старый утун у храма Накопленного Дождя. Плоть старого монаха обратилась в иссохший колодец; каждый, кто заглядывал в него, падал в бездну под вечным льдом. И Тень ради него бросилась в эту тьму. Дань Фэн сам стал клинком, прорубая десятисаженную толщу льда, покрываясь ранами, лишь бы ухватить этот ускользающий призрачный след.

— Тень, ты как? Я не вижу тебя, хватайся за мою руку!

— Тень!

В непроглядном мраке он всё же нащупал Тень. Они плыли среди ледяных выступов, острых, как собачьи клыки. Тень что-то бессвязно бормотала, металась в безумстве, и Дань Фэну, зажатому со всех сторон, оставалось лишь мертвой хваткой вцепиться в ее спину, позволяя этой дрожи, идущей от самого сердца, отдаваться в собственных костях.

— Не... трогай... меня!

— Тень, потерпи! Потом проси у меня чего хочешь, хоть голову с плеч.

— Прочь! Жарко... как тошно... убей меня!

— Кто это сделал? Скажи, и я убью его вместо тебя.

— ...Снег перестал? Так печет... огонь горит... не тайте, не уходите!

— Не шевелись, кругом лед. Тень, это я.

— Фэн... Е?

Дань Фэн на мгновение замер:

— Я здесь.

— Звезда бедствий... зачем ты вообще пришел?

— Мы были знакомы прежде?

— Знай я тогда... нужно было выбить тебя из седла... нужно было... пустить коня вскачь, чтобы он топтал тебя, круг за кругом, пока не превратил бы в кровавое месиво!

Дань Фэну оставалось лишь подыграть:

— Почему же не сделала этого?

— Кто же знал... что ты — корень зла?

— А теперь? Вся эта дорога — лучшее время, чтобы свести счеты. Если тебе так не по себе, просто ударь меня ножом и выходи отсюда по моим костям.

— ...Думаешь, тебе под силу... распутать этот клубок лжи?

— Тень, кто ты на самом деле?

Когда свет пробился сквозь толщу льда, эта невесомая ноша просто растаяла в его объятиях.

Он снова не успел разглядеть лица.

Именно тогда в его душе поселилось темное облако сомнения.

Тень питала к нему ненависть — глубокую, путанную и необъяснимую.

Впрочем, она сама была подобна клинку, заточенному с двух сторон: ранила и других, и себя. Словно меч, зарытый в заснеженном поле — вокруг лишь бескрайняя ненависть. Она казалась призраком, сотканным из одной лишь одержимости.

Та крупца тайной злобы, что доставалась Дань Фэну, на этом фоне выглядела почти милосердием.

Но Дань Фэн не желал с этим мириться.

«С какой стати? Я отношусь к тебе как к лучшему другу, а ты уже ведешь счет каким-то неведомым обидам?»

Казалось, стоило Дань Фэну лишь подумать о чем-то, как Тень уже знала финал. Всё давно закончилось, остались лишь затихающие отголоски.

Даже эта их встреча была... одолжена у судьбы.

Это было чертовски несправедливо.

Он всё чаще замечал безмолвную жажду убийства, проскальзывавшую в движениях Тени.

В полнолуние Тень часто исчезала на полночи, а возвращаясь, приносила с собой удушливый запах крови и тлена. Струны на ее кунхо неизменно оказывались порваны.

Ледяные трупы, грудями лежавшие после битв, куда-то бесследно исчезали. Тень же становилась всё более осязаемой, наливаясь тяжелым, багровым цветом. Случайный взмах призрачной струны теперь мог в щепки разнести скалу — успехи в Технике Переделки Тени пугали.

Тень не скрывала своей жажды силы. Она была одержима ею.

По ночам, когда они спали в одной комнате, Тень обычно замирала, прислонившись к настенной росписи. И Дань Фэн подолгу чувствовал на себе ее взгляд — холодный, как озерная вода.

Он ощущал кожей это ледяное прикосновение.

Это не было лаской. Тень словно «читала» его пальцами, медленно, будто он был стершейся надписью на древнем надгробии. Но внезапно кончики пальцев напрягались, впиваясь в кожу на шее.

О чем она думала в такие моменты?

Дань Фэн притворялся спящим. Клинок Фэнъе под его головой раз за разом пытался выскользнуть из ножен, но его заталкивали обратно. Слышался монотонный, упрямый скрежет металла. Затем его собственные пальцы начинали непроизвольно дергаться.

«Что за игры?»

Дань Фэн приоткрыл глаза, намереваясь поймать Тень за руку, но увидел лишь собственную

тень. Ее края искажались, перетекая к Тени, словно те самые поглощенные ледяные мертвецы. Ладонь Тени зависла рядом, она повела пальцем — и палец Дань Фэна дернулся следом.

Тень тут же отстранилась, бесшумно скользнув обратно к стене. Дань Фэн вскочил, перехватывая ее за запястье. Куда бы Тень ни пыталась уклониться, он преграждал ей путь.

— Ночь на дворе, а ты забавляешься со мной?

— Не боишься, что я переплавлю и тебя? — отозвалась Тень.

— Ты меня с ледяным трупом-то не путай, — отрезал Дань Фэн. — Насильственная переплавка живого человека идет вразрез с законами неба. Одной отдачи хватит, чтобы ты костей не собрал.

— Неужели?

— Тень, от тебя веет чем-то недобрым. С твоей техникой явно что-то не так. Не гонись за скоростью. В последние дни, когда мы тренируемся, я чувствую, как кровь закипает в жилах. Тебе, как практику, должно быть еще хуже — смотри, не лишишь рассудка!

— Скорость? — эхом отозвалась Тень. — Мне всё еще мало.

— Куда ты так спешишь? Даже если у тебя не выйдет, у тебя есть я.

Тень издала короткий смешок, полный горькой насмешки, и растаяла под его ладонью.

В груди Дань Фэна вскипело глухое раздражение. Впервые он по-настоящему возненавидел саму природу своего спутника. Ему хотелось поднести лампу к самому лицу Тени, осветить его так, чтобы не осталось ни единого темного пятна — от макушки до кончиков пальцев.

«Кто ты? Почему ты лишь тень? Дай мне увидеть тебя ясно, смыть всё это прошлое».

Динь-дон!

Жемчужная завеса качнулась без ветра. Не успели туманные видения рассеяться перед глазами Дань Фэна, как на его спину плеснули ледяным вином.

Точно. Это был... сотый день.

После того как они сравняли с землей Озеро Белой Пагоды, скрытое сердце алтаря наконец было явлено.

К несчастью, в винной лавке он попал под удар золотых оков хуцзи. Это всколыхнуло старые раны, в тело проник трупный яд. Перед решающей битвой нужно было очистить кровь.

Вино обладало мощным одурманивающим действием. Плечи и спина вмиг онемели, но когда холодные пальцы Тени коснулись его кожи, Дань Фэн невольно вздрогнул. Его собственное сердце предательски екнуло, словно расплавленное олово, которое застывает неровными чешуйками — как ни старайся, не разгладишь.

Тень поняла его по-своему:

— Тебе тоже бывает больно?

— Кстати говоря... ты ведь собиралась бросить меня на произвол судьбы? Почему же, стоило мне только отвлечь врага, как твои струны тут же оказались рядом?

— Ты сделал это нарочно.

— Какое там нарочно? Это называется «души в унисон».

— Вот как? Тогда угадай, во сколько сил я ударю сейчас? — голос Тени прозвучал у самого уха.

— Терпи.

Серебряная шпилька, вымоченная в целебном снадобье, скользнула по ране на спине. Раздался резкий хруст, будто ломались ледяные иглы. Тень действовала безжалостно и точно: шпилька шла, словно по линейке, вычищая края почерневшей раны и выковыривая из плоти мелкий песок.

— С-с... Слишком длинный разрез. Рана-то всего до лопатки, а ты исполосовала меня вдоль и поперек.

— В самый раз, — холодно бросила Тень. — Будет где в шахматы играть, когда отмою.

— Не выйдет. У каждого шрама здесь своя история.

Шпилька вдруг провернулась. Холодно и почти нежно она скользнула вдоль края плеча. Дань Фэн стало не по себе; даже не оборачиваясь, он кожей чувствовал каждое небрежное движение этого импровизированного скальпеля.

Тонкие шрамы, как струны, широкие — как мечи, глубокие — до самой кости... Вся спина была исчерчена ими. Там, где проходило острие, кожа словно вспыхивала кипятком.

Дань Фэн тяжело сглотнул.

— Посчитала. Как ни посмотри, а ты просто ищешь смерти, — Тень вдруг замерла, коснувшись шпилькой его виска. — Надо же, ты умудряешься потеть в такой холод?

Тут не просто пот прошибет — железная гора и та бы расплавилась. Дань Фэн не выдержал и яростно обернулся.

Тонкая шпилька была зажата между двумя изящными пальцами.

Он впервые заметил, как нелепо смотрятся тяжелые железные наперстки на руках Тени. Тонкие кости у основания пальцев, скрытые за сталью, напоминали нежные ростки орхидеи, пробивающиеся сквозь узловатые ветви древней лозы.

Картина была донельзя странной. Но эти кованые когти, которые он сам когда-то переделал для Тени, теперь облекали ее пальцы, придавая им мрачное, невыразимое изящество.

Дань Фэн резко опустил взгляд.

Владыка Обители когда-то говорил, что в его глазах живет хищная тень — то ли волка, то ли сокола. Взгляд человека, который не отступит, пока не добьется своего. Раньше Дань Фэн лишь отмахивался от этих слов, но сейчас, когда пот застилал глаза, а в зрачках вспыхнула острая, колючая искра, он словно сам увидел этот опасный блеск.

«Плохо дело. Чего это я так ощетинился?»

Тень, разумеется, тут же всё почувствовала:

— На что ты смотришь?

— Не подходят они тебе. Нужно переделать, на размер меньше.

Тень насмешливо фыркнула и отбросила шпильку. Она привычно повела указательным пальцем в воздухе — этот жест всегда выдавал ее нетерпение, будто она пыталась поймать невидимую нить. Иногда в этом движении сквозила пугающая нежность.

На сей раз жертвой стала прядь волос Дань Фэна, которая начала обвиваться вокруг ее пальца всё туже и туже.

— Тень, если тебе так приглянулись эти волосы, может, мне их просто отрезать и отдать тебе?

— Что, техника укрепления тела не дошла до кончиков волос?

— Мы, практики тела, народ неотесанный. О прическах не думаем, бороды не ровняем.

— Невежество и лень, — бросила Тень, небрежно отбрасывая прядь от его шеи.

Дань Фэн так и не понял, было ли это мимолетное прикосновение реальным или почудилось. Он стиснул зубы и резко выпрямился, снова задев бусы.

Динь-дон!

Этот музыкальный павильон когда-то был местом пиршеств знати. Через каждые несколько шагов здесь висели тяжелые завесы: кораллы, агат, бирюза, кошачий глаз... Они перекликались с золотыми украшениями на поясах ледяных танцовщиц. В воздухе плыл морозный туман.

Увы, время и холод источили шелковые нити. Стоило задеть завесу, как бусины рассыпались прахом, выбрасывая облачка колючего инея. Лишь Тень могла касаться их, извлекая чистый, одинокий звон.

Собственно, ради этой редкой забавы Тени он и захватил это место, поддавшись какому-то странному порыву.

Но сейчас всё шло наперекосяк. В каждой бусине дрожало отражение света, и Дань Фэну казалось, будто Тень окружает его повсюду, принимая тысячи обличий и безмолвно улыбаясь.

«Кто же ты?»

Дань Фэн сжал кулаки, сминая жемчужную нить. Бусины лопнули, и мороз пополз по его пальцам.

Тень снова обрела единство — темный силуэт, который не мог разогнать никакой свет.

— Опять бесишься? — Тень повела рукой, и остатки нити упали на пол. Дань Фэн не разжал ладони.

— Мне не по себе.

— С чего бы?

Дань Фэн помолчал, прежде чем ответить:

— Не знаю. Интуиция. Пока я не увижу голову владыки Сюэлянь, я не успокоюсь. Этот старый лис наверняка припас какой-нибудь козырь.

— Вчера ночью я перебила всех птиц-трупов, — спокойно заметила Тень.

— Так вот зачем ты уходила.

— А ты как думал? — Тень помедлила. — Значит, ты не спал?

— У меня чуткий сон.

Тень издала едва слышный смешок.

— Тень.

— М?

— Не обманывай меня.

Смех в голосе Тени мгновенно стих.

— Я тоже скажу тебе пару слов. Честно. Во-первых, сейчас мне не составит труда тебя убить.

— Во-вторых, пока ты в пределах ста шагов и стоишь ко мне спиной — я тебя не трону.

— В-третьих... поспи, Дань Фэн. И не стой у меня на пути.

Онемение в плече внезапно разошлось по всему телу.

Тень не лгала.

В полузабытьи он видел битву, граничащую с безумием. Впервые он стал свидетелем запретной техники — Иллюзии из плоти и крови.

Это было жуткое, искаженное искусство, обладавшее сокрушительной мощью.

Тень раз за разом оказывалась на грани исчезновения, истощая силы души. Тени со всего города неслись к ней, разрывая ее на части. Облик, который поначалу казался изящным, как у юной девы, в этом вихре разрушения и слияния становился пугающим, словно лик демона.

В той битве Тень наконец завершила свое обучение.

Когда Дань Фэн снова смог двигаться, Тень уже раздавила сердце алтаря. Мороз, сковывавший Озеро Белой Пагоды десятилетиями, начал отступать. Как только барьер рухнул, снаружи донесся гул сражения.

Сотни дней внутри — лишь одна ночь в мире живых.

Тень стояла, сжимая в руке флейту из карнизного льда. Она обернулась к нему; жажда крови исчезла, она казалась хрупкой и спокойной, как весенний лед.

— Дань Фэн, выведи меня отсюда, — тихо проговорила она. — Больно... не хочу видеть солнце. Позволь мне спрятаться в твоей тени.

В тот день он вывел эту безвестную Тень из Озера Белой Пагоды.

Совершил преступление, в котором никогда не сможет признаться на дне озера Ганьцзян.

Его собратья еще сражались. Огонь то затухал, то вспыхивал вновь; в воздухе стоял запах гари, селитры и крови. Навстречу им ударила волна жара, заставив кровь в жилах Дань Фэна забурлить.

Всё изменилось. В этой бесконечной снежной ночи наконец забрезжил рассвет.

Знакомые лица оборачивались к нему.

— Учитель?

— Глава! Вы вернулись! Натиск Сюэлянь захлебнулся!

«Нет... не подходите!»

Но в то мгновение пальцы Дань Фэна дернулись. Вены на руках вздулись, повинувшись чужой воле. Нечто сорвалось с его рук, неся смерть.

Это был кошмар, от которого не суждено очнуться.

Сто дней они были плечом к плечу, и он своими глазами видел, как Тень шаг за шагом осваивает запретное искусство. И теперь вся эта мощь обрушилась на его братьев по оружию!

Он сам выпустил этого демона на волю.

Мир захлестнула кровавая пена.

Сон об Озере Белой Пагоды обернулся прахом.

Даже понимая, что это лишь морок, Дань Фэн чувствовал, как его сердце разрывается на тысячи осколков. Внутри него пробудились огненные змеи; они кусали, терзали друг друга, превращая всё в море пламени, где плоть и кости сливаются воедино.

Он не мог это остановить. Мог лишь позволить этому пожару бушевать в своем теле.

Он до боли сжал кулаки, пытаясь удержать хоть что-то. Если бы можно было вернуть пролитую воду... Если бы эта кровавая иллюзия могла вернуться в его пальцы... Если бы он мог перехватить руку Тени...

Послышался тихий, сдавленный стон.

К онемевшим пальцам начала возвращаться чувствительность. Дань Фэн вздрогнул. Он опустил взгляд и увидел, что его рука всё еще мертвой хваткой сжимает... ладонь Се Хунъи.

<http://bllate.org/book/16978/1584907>